PE Population and Economics

18+

Население и экономика 10(2): 28–47
DOI 10.3897/popecon.10.e138096

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Семейные нормы и бедность женщин в Южной Азии: посредническая роль участия женщин в рабочей силе

Хума Максуд [1,2], Че Сулейман Н.Ф. [2], Сурияни Мухамад [2], Нор А.А.б. Рохайзад [2]

1 *Университет SZABIST, Исламабад, 44000, Пакистан*

2 *Университет Малайзии Теренгану, Куала-Теренгану, 21030, Малайзия*

Получено 28 September 2024 ♦ **Принято в печать** 28 November 2024 ♦ **Опубликовано** 20 March 2026

Цитирование: Maqsood H, Sulaiman NFC, Muhamad S, Rohaizad NAAb (2026) Family Norms and Female Poverty in South Asia: the Mediating Role of Female Labour Force Participation. Population and Economics 10(2):28–47. https://doi.org/10.3897/popecon.10.e138096

Аннотация

Взаимодействие бедности и гендерного неравенства проявляется в непропорционально высоком уровне бедности женщин. В этом контексте участие женщин в рабочей силе (female labour force participation, FLFP) является важнейшей областью исследований, особенно в отношении гендерного равенства и сокращения бедности – ключевых приоритетов Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, в которой особое внимание уделяется социальной и экономической инклюзии. Однако эмпирические исследования, изучающие роль женской рабочей силы (female labour force, FLF) как фактора-посредника (медиатора) в гендерно обусловленном опыте бедности у женщин, особенно сформированном традиционными семейными нормами в развивающихся странах, остаются ограниченными. Данное исследование устраняет этот пробел, изучая динамику участия женщин в рабочей силе и гендерно обусловленной бедности в социально-культурном контексте Пакистана, развивающейся страны в Южной Азии.

Используя качественную исследовательскую парадигму и применяя нарративный подход, мы собрали данные у 20 целевым образом отобранных женщин-респондентов из числа работающих в Пакистане. Используя метод сбора данных Глейзера, мы провели полуструктурированные глубинные интервью для изучения личного опыта и социальных реалий. Затем данные были проанализированы индуктивно с использованием семантического подхода, основанного на методологии тематического анализа Брауна и Кларка.

Результаты показывают, что сочетание патриархальной эксплуатации и капиталистических структур, укорененных в институте семьи, систематически маргинализируют женщин. Эта двойственная динамика приводит как к социальной изоляции, так и к экономическому насилию, усиливая социально-экономическую зависимость женщин и способствуя феминизации бедности.

Copyright *Х. Максуд, Н.Ф.Ч. Сулейман, С. Мухамад, Н.А.А.б. Рохайзад.*Статья находится в открытом доступе и в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution (CC-BY 4.0) может без ограничений использоваться, распространяться и воспроизводиться на любых носителях при условии указания авторов и источника.

Сочетание патриархата и капитализма поддерживает в развивающихся странах социально-экономические системы, которые зависят от низкозатратной и уступчивой женской рабочей силы как в частном, так и в государственном секторе. В результате женщины остаются экономически активными, но при этом по-прежнему бедными и бесправными. Решение этого парадокса требует институциональных реформ для достижения целей инклюзивности, предусмотренных Повесткой дня на период до 2030 года. Политика должна быть направлена на гендерно ориентированные властные структуры и гарантировать, чтобы экономическое участие женщин приводило к реальному расширению их прав и возможностей и сокращению бедности.

Ключевые слова

Повестка дня 2030, капиталистический патриархат, экономическое принуждение, феминизация бедности, социальная изоляция, экономическая зависимость

Коды JEL: A13, B55, F63, I3, J16, Z13

Введение

Женщины составляют 70% многомерно бедного населения в 107 странах [UNDP, 2020], что свидетельствует о гендерном неравенстве в проблеме бедности. Уровень бедности непропорционально выше в Африке и Азии, причем женщины несут на себе основную тяжесть этого неравенства. В недавнем докладе о ходе реализации Повестки дня на период до 2030 года прогнозируется, что к 2030 году около шести миллионов человек будут оставаться в нищете, при этом гендерное неравенство является одной из ключевых проблем [UN Women, 2024]. В докладе подчеркивается тревожное социально-экономическое положение женщин в странах глобального Юга [Bradshaw, Linneker, 2019].

Согласно исследованиям институт семьи по своей сути способствует бедности женщин [Fredman, 2016; Maqsood et al., 2024]. Гендерные нормы поддерживают строгую социально-экономическую среду семьи, что приводит к уязвимости и маргинализации женщин [Nguyen, 2022]. Традиционные культуры часто навязывают патриархальные идеологии, которые отводят мужчинам и женщинам различные пространства, роли и статусы [Wolff, 2020], тем самым ограничивая доступ женщин к ресурсам, сужая их возможности принятия решений и мобильности, а также препятствуя их способности получать образование и навыки [Sahoo, Klasen, 2018].

В результате нехватка возможностей, вызванная системной дискриминацией, вынуждает многих женщин заниматься неформальной работой, особенно в сельском хозяйстве, домашнем хозяйстве и надомном производстве, тем самым закрепляя цикл бедности женщин [Maqsood et al., 2024]. Работая в качестве «синих воротничков» и «розовых воротничков», женщины зарабатывают значительно меньше мужчин даже за сопоставимую работу. Более того, социально-культурные барьеры продолжают ограничивать доступ женщин к экономическим ресурсам и владению активами. Женщины не имеют достаточного доступа к финансовым услугам и осведомленности о традиционных банковских услугах, финтех-банкинге, кредитах и инвестиционных возможностях [Amber, Chichaibelu, 2023; Akhtar et al., 2025]. Следовательно, их потенциал экономической мобильности и предпринимательства остается неиспользованным. Эти условия способствуют сохранению многомерной бедности женщин [Farhall, Rickards, 2021; Mouafo, 2024].

Бедность женщин в развивающихся странах – это хроническая проблема, обусловленная глубоко укоренившимися культурными, социальными и экономическими факторами, которые препятствуют справедливому социально-экономическому росту и развитию. Несмотря на некоторое улучшение ситуации в последние десятилетия, эти страны по-прежнему остаются

за чертой бедности, причем женщины страдают от этого непропорционально сильно [Bukhari et al., 2024]. В сельской местности уровень бедности выше, что в значительной степени обусловлено распространенностью неграмотности и неразвитостью физической и цифровой инфраструктуры, необходимой для доступа к образованию, здравоохранению и экономическим возможностям [Haq et al., 2024]. Более того, отсутствие данных с разбивкой по полу затрудняет определение точных масштабов бедности женщин в этих регионах [Hossain et al., 2024].

Взаимодействие традиционных семейных норм и бедности женщин является важнейшей областью исследований в развивающихся странах, характеризующихся широкой распространенностью бедности. Одним из таких регионов является Южная Азия, где социально-культурные нормы играют ключевую роль в формировании экономических возможностей и ограничений, а также в маргинализации и ущемлении прав женщин. В этом контексте участие женщин в рабочей силе выступает в качестве важнейшего промежуточного фактора в решении проблем социально-экономического гендерного неравенства, что соответствует целям как Повестки дня на период до 2025 года, так и Повестки дня на период до 2030 года. Повестка дня на период до 2030 года фокусируется на механизмах финансирования и мобилизации ресурсов для содействия инклюзивности и сотрудничеству, а Повестка дня на период до 2025 года представляет собой среднесрочную программу достижения Целей устойчивого развития (ЦУР). В ней особое внимание уделяется приоритетному решению проблем уязвимых групп населения, укреплению партнерских отношений и совершенствованию сбора данных для отслеживания прогресса.

Изучение бедности женщин и ее основополагающих факторов в Южной Азии выявляет сложное взаимодействие социальных, культурных и экономических факторов, предлагая важные идеи для разработки политических мер, направленных на содействие равенству и инклюзивности. В связи с этим в данном исследовании рассматривается роль семейных норм в формировании бедности женщин и рассматривается, как участие женщин в рабочей силе (FLFP) опосредует эту взаимосвязь.

Предпосылки

Южная Азия сталкивается со значительными проблемами, связанными с бедностью женщин, которые усугублены пандемией COVID-19, усилившей уязвимость женщин к экономическим трудностям. Хотя такие страны, как Бангладеш и Непал, запустили программы социальной защиты для женщин, решение фундаментальных структурных проблем, например ограниченного доступа к ресурсам, правам собственности, финансовым услугам и возможностям трудоустройства, остается важнейшей задачей. Эти системные барьеры продолжают усугублять бедность женщин в социальном и экономическом аспектах.

Пакистан, развивающаяся страна в Южной Азии, отображает реальную картину социально-экономического положения женщин в странах третьего мира. Поскольку значительная часть населения Пакистана живет за чертой бедности [Asian Development Bank, 2013], страна сталкивается с трудностями в борьбе с бедностью, особенно женской [Jafree, 2023]. Исходя из показателя бедности по нижнему уровню среднего дохода, по оценкам, 39,3% пакистанцев живут в бедности [World Bank, 2024]. Согласно выводам Национальной ассамблеи, 22% граждан живут за чертой бедности [Shehzad, 2021]. Недавнее исследование Хак и соавторов (2024) подтверждает эти выводы, устанавливая, что четверть населения Пакистана многомерно бедна, что обусловлено преобладающей макроэкономической ситуацией. Более того, очевидная разница между сельскими и городскими районами вносит вклад в показатели бедности. В то время как высокий процент городского населения умеренно беден, более высокий процент сельского населения крайне беден, большинство из которого составляют неграмотные женщины [Akmal, Akmal, 2023]. Соответственно, исследование Бухари и соавторов (2024) утверждает, что бедность женщин в Пакистане существенно зависит от таких факторов, как пол, образование и се-

мейная идеология. В этом контексте Пакистан, как представляется, отходит от статьи 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) 1979 года, бросая вызов гендерному равенству. Аналогичным образом, несмотря на конституционные права женщин, политика не способствует обеспечению участия женщин в рабочей силе [Meseguer-Sánchez et al., 2020; Adham, 2022; Khan, 2020; Jafree, 2023]. Таким образом, 75% из 39,3% крайне бедного населения Пакистана составляют женщины [World Bank, 2024].

В Пакистане соотношение мужчин и женщин равное [Pakistan Bureau of Statistics, LFS, 2020–2021]. Однако, несмотря на исламскую юриспруденцию, которая считается авангардом борьбы за права женщин, наличие законодательства, поддерживающего права женщин и гендерное равенство, и приверженность Пакистана глобальным договорам о гендерном равенстве, уровень занятости женщин остается низким, особенно в формальном секторе и, прежде всего, в городских районах как на региональном, так и на страновом уровнях [World Economic Forum, 2023]. Низкий уровень занятости женщин в Пакистане свидетельствует о значительном недоиспользовании женского потенциала. Более того, низкий уровень грамотности ограничивает карьерные возможности и экономические показатели женщин [PSLM, 2019–2020]. Кроме того, как сообщается в Пакистанском демографическом и медицинском исследовании (Pakistan Demographic and Health Survey, PDHS), состояние здоровья женщин также ниже среднего, при этом основными проблемами являются недоедание и анемия, что дополнительно снижает их экономическую активность и производительность.

Недостающий элемент

Предыдущие исследования подчеркивали сохранение ограничительных гендерных норм в странах Южной Азии и их неблагоприятное воздействие на бедность женщин. Например, Бухари и соавт. [2024] и Хак и соавт. [2024] исследовали аспекты многомерной бедности; Руми и Паррот [2008] и Хан [2020] изучали структурные и социальные барьеры для женского предпринимательства, в то время как Висволл и Зафар [2018] и Ношин и соавт. [2024] исследовали социокультурные и социально-экономические факторы, способствующие бедности женщин. Тем не менее литература на стыке бедности и гендерных семейных норм остается ограниченной, особенно в отношении посреднической роли участия женщин в рабочей силе. В свете этого пробела и признавая значимость проблемы, это исследование изучает, как гендерные семейные практики усиливают бедность женщин и степень, в которой участие женщин в рабочей силе опосредует эту связь.

Новизна и значимость

Наше исследование вносит новый вклад и дает важные результаты, предлагая контекстно-зависимый анализ взаимодействия таких переменных, как семейные нормы, бедность женщин и участие женщин в рабочей силе в развивающихся странах. Результаты исследования могут использоваться при разработке программ, стратегий и инициатив, направленных на обеспечение гендерного равенства и устранение нормативных барьеров, препятствующих прогрессу в этой области. Кроме того, исследование предоставляет соответствующим организациям ценную информацию о прогрессе и перспективах достижения целей Повестки дня на период до 2030 года в странах глобального Юга.

Более того, данное исследование впервые изучает взаимосвязь между женской бедностью и семейными нормами в Южной Азии, регионе, где патриархальная идеология оказывает глубокое влияние на социально-экономические аспекты. Исследование, изучающее, как семейные нормы способствуют социально-экономической зависимости женщин и феминизации бедности, отличается от предыдущих исследований бедности женщин. Выделяя участие женщин в рабочей силе как ключевой медиатор, исследование представляет целостную картину сложной взаимосвязи между общественными нормами и экономическим участием женщин и ее результатами.

Теоретическая перспектива

Рассмотрение бедности с теоретической точки зрения помогает лучше понять сложные социальные, экономические и культурные проблемы, которые влияют на жизнь бедных людей, особенно женщин. В этом контексте теория человеческого капитала утверждает, что бедность порождается неграмотностью, поскольку семьи с низким доходом не инвестируют должным образом в образование и навыки детей [Ortner, 2022]. Эта перспектива особенно актуальна, поскольку традиционные культуры игнорируют важность женского образования, усиливая гендерное неравенство, которое способствует бедности женщин. Однако в литературе [Mihai et al., 2015] утверждается, что образование само по себе не может быть надежным индикатором экономических результатов, поскольку оно не обязательно может трансформироваться в занятость и экономическую производительность. Поэтому, помимо образования, при изучении бедности женщин необходимо учитывать более широкий спектр факторов, таких как доступ к ресурсам, социальные связи и структурное неравенство [Cantillon, 2022].

Соответственно, изучение женской бедности через призму социалистического феминизма [Robinson, 1985] предлагает детальный взгляд на гендерную динамику социальных и экономических структур, выявляя системную несправедливость, коренящуюся в капитализме и патриархате [Weldon, 2008; Mouafo, 2024]. Неопатриархат, современная форма патриархата, представляет собой взаимодействие современности и традиции в контексте капитализма [Habiba et al., 2016]. Фундаментальные структуры современных неопатриархальных обществ по-прежнему глубоко укоренены в патриархальных социальных отношениях [Zarbali, 2023], которые закрепляют доминирование мужчин как в частной, так и в общественной сферах посредством четких и иерархических социальных механизмов [Qureshi et al., 2023]. На микроуровне эти структуры действуют в отношениях, семьях, на рабочих местах и в супружеских связях, а на макроуровне они проявляются в бюрократии, управлении, законах, рынках и религиозных функциях [Adham, 2022].

Аналогичным образом подход, основанный на способностях, предоставляет релевантную основу для переосмысления бедности и ее более широких последствий [Sen, 1995, 2010; Nussbaum, 2000]. В основе этого подхода лежат концепции свободы и возможностей, в которых женщинам на глобальном Юге отказано [Kabeer, 2021].

Интеграция этих теоретических основ позволяет глубже понять сложную природу бедности женщин, подчеркивая взаимодействие гендерных факторов, экономических систем и социальных норм, а также необходимость политических мер, учитывающих особые потребности и возможности женщин, живущих в бедности.

Социальные и экономические системы

Исторически бедность рассматривалась как несчастье, сродни болезни, или как следствие классового и гендерного неравенства [Birkmann et al., 2022; Bradshaw, Linneker, 2023]. В то время как лишение дохода отражает бедность, ограничивающую выживание, лишение прав представляет собой другую форму бедности, тесно связанную с развитием [Sen, 2010]. Такая сложная и многогранная природа бедности привела к появлению концепции многомерной бедности (multidimensional poverty, MP), которая охватывает нефинансовые факторы, такие как здоровье, питание, образование, доступ к базовым услугам, счастье, свободу, ожидаемую продолжительность жизни и социальную интеграцию [Alkire, 2023]. Таким образом, был разработан Индекс многомерной бедности (multidimensional poverty index, MPI), который с тех пор получил международное признание в качестве комплексного показателя бедности.

Взгляд Синдзингре [2005] на бедность тесно связан с точкой зрения Сена о том, что бедность формируется взаимодействием норм и институтов. Институты практикуют дискретное распределение ресурсов и выполняют функцию когнитивных сил, формирующих личные убеждения и действия. Эти институциональные и нормативные рамки влияют на восприятие

и стремление людей избежать бедности. В этом контексте Лемке [2010] подчеркивает, что когнитивные представления о беспомощности способствуют бедности, поскольку маргинализированные группы не взаимодействуют с организациями, которые могли бы помочь им преодолеть свою маргинализацию. Развивая эту позицию, Моссе [2010] утверждает, что бедные, лишенные как информации, так и переговорных возможностей, демотивированы отстаивать свои права или оспаривать свое положение.

Более того, считается, что модели поведения, препятствующие накоплению сбережений, также способствуют возникновению ловушек бедности, которые усиливают социальную поляризацию, непропорционально затрагивая женщин [Chantarat, Barrett, 2012]. Бедные матери передают эту межпоколенческую бедность своим дочерям, которые, как и их матери, не имеют образования, здоровья и/или мотивации бороться за свои права [De Schutter et al., 2023]. Патриархальные семейные структуры склонны поддерживать этот цикл, усиливая социальное и экономическое регулирование, которое способствует уязвимости и зависимости женщин от мужской гегемонии [Jahan, 2022].

В этом контексте пространственная конфигурация играет решающую роль в укреплении гендерных иерархий. Социальные и пространственные измерения тесно взаимосвязаны, а гендерные пространственные границы создают условия для женской уязвимости [Kunwar, 2021]. Эти границы простираются от частного до общественного пространства, демонстрируя укоренившуюся динамику власти, где женственность ассоциируется с домашним хозяйством и подчинением, а мужественность – с властью и свободой [Reeser, 2020].

Эти гендерные различия усилены в социальных ролях и повседневном взаимодействии [Williams, 2023]. В этом контексте институт семьи играет ключевую роль. Семейные нормы поощряют женскую хрупкость, пассивность и наивность – черты, которые закрепляют уязвимость женщин [Kolleda, 2020; Yasmin, Husna, 2020], ограничивая их доступ к общественным пространствам и возможности для образования, общения в социальных сетях, участия в экономической жизни и расширения прав и возможностей [Sahoo, Klasen, 2018; Kabeer, 2021]. Поэтому, воспринимаемые как физически хрупкие, социально-экономически зависимые и психологически уязвимые, женщины остаются на нижних ступенях патриархальных обществ [Ali et al., 2023].

Семейные нормы и феминизация бедности

Семья – фундаментальная ячейка общества и структурная основа человеческого существования, основанная на системе взаимозависимости. Однако бинарные гендерные роли и отношения конкретизируют патриархальное мировоззрение, устанавливая подневольное положение женщин, которое приносит пользу семье и обществу, но женщинам обходится дорого [Robinson, 1985; Bjerén, 2021]. Мужчины в семье определяют мобильность, социальное взаимодействие, поведение и обязанности женщин, которые отнимают у них значительное время и энергию [Elder et al., 2020; Geda, Guli, 2021], и женщины слишком покорно принимают эту взаимозависимость как естественный порядок вещей [Kutub, 2023].

Женская взаимозависимость, обусловленная сложной сетью навязанных идентичностей и ожиданий, приводит к феминизации бедности [Crenshaw, 2019; Kaushik, 2022; Mazzone, 2022]. Патриархальная идеология требует мужского доминирования как определяющей черты общества [Ortner, 2022]. Следовательно, женская идентичность формируется их ролью как лиц, осуществляющих заботу о других [Kabeer, 2021]. Как ни парадоксально, хотя забота о близких и добывание средств к существованию взаимозависимы, в патриархальных обществах добывание средств к существованию ценится выше заботы о близких [Kutub, 2023]. Следовательно, женщины ограничены в доступе к общественному пространству, поэтому они остаются социально-экономически зависимыми от мужчин [Maqsood et al., 2024].

Более того, семейная норма *пурды*, подразумевающая изоляцию и полное покрытие тела, используется как механизм ограничения мобильности женщин и подкрепления представле-

ния о незаменимости опеки мужчины [Aksar et al., 2020]. Согласно этой норме мужчины всегда должны обеспечивать безопасность женщин. В родительских домах опекунами женщин служат отцы и братья; после замужества эту обязанность выполняют супруг и свекор; а в случае вдовства ответственность берут на себя сыновья и/или родственники мужского пола [Ortner, 2022]. Эта норма основана на представлении о том, что женщина без опекуна крайне уязвима для социальной стигмы, в том числе для подозрений в сексуальных домогательствах или нежелательным вниманием со стороны мужчин в общественном пространстве [Kumar, 2023]. Эта навязанная безопасность делает женщин зависимыми и послушными и дома, и в общественных пространствах [Kabeer, 2020]. В этой ситуации участие женщин в рабочей силе является практическим инструментом, помогающим женщинам разорвать межпоколенческий цикл бедности, поскольку оплачиваемая работа дает им доступ к ресурсам и позволяет постепенно обрести социально-экономическую независимость [Alkire, 2023]. Кроме того, их экономический вклад не только ускоряет экономический рост и развитие, но и способствует достижению ЦУР в рамках Повестки дня на период до 2030 года [Ali et al., 2023].

На основе литературы в данном исследовании делается вывод о том, что гендерные семейные нормы приводят к феминизации бедности, как показано на рис. 1.

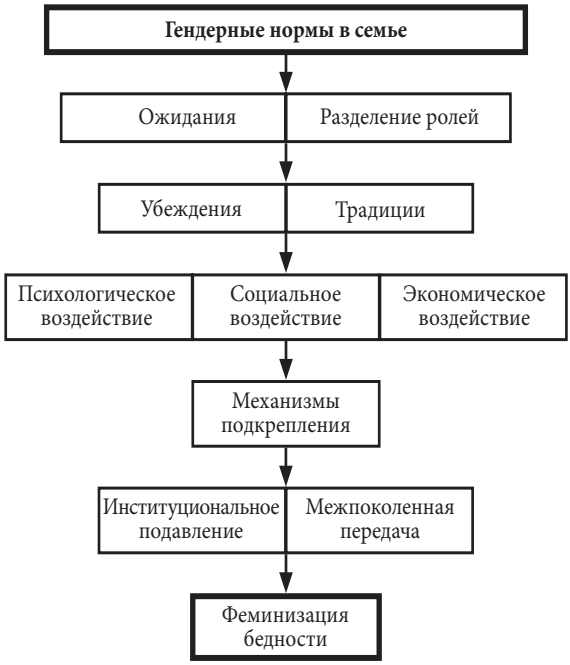

Рисунок 1. Концептуальная структура

Методы

Дизайн исследования

Используя качественную исследовательскую парадигму, мы выбрали метод нарративного исследования для проведения глубинных интервью с женщинами-респондентами, работающими в неформальном секторе. Он позволил собрать ценные данные о реальном опыте респон-

дентов в отношении исследуемых переменных (семейных норм, бедности женщин и уровня участия женщин в рабочей силе). Мы провели индуктивный анализ данных [Cresswell, 2013] с использованием модели тематического анализа Брауна и Кларка [2006].

Сбор и анализ данных основывались на двух центральных исследовательских вопросах: (1) Как семейные нормы способствуют формированию бедности женщин? и (2) Как участие женщин в рабочей силе (FLFP) опосредует связь между семейными нормами и бедностью женщин? Мы применили теоретическую модель Глейзера [2014] для методического сбора, обработки и оценки данных с помощью семантического подхода. Руководство по проведению интервью, включающее открытые вопросы и контрольные вопросы, послужило эффективным инструментом для получения содержательной и релевантной информации от респондентов посредством разговорного и гибкого стиля интервьюирования. Доверительные интервью, предложенные Вайсом [1995], позволили сузить фокус сбора и анализа данных до феноменов, специфичных для развивающегося региона.

Мы кодировали данные, выявляя общие закономерности, связанные с переменными нашего исследования. Объединение кодов с общими закономерностями в схожие категории позволило выявить более обширные темы, логически отражающие точки зрения респондентов [Joffe, 2011].

Генеральная совокупность и выборка

Объектом исследования были женщины, являющиеся частью рабочей силы (FLF), а критериями включения являлись: 1) возраст от 20 до 60 лет и 2) участие в неформальном секторе как минимум в течение одного года. Мы использовали разные методы построения выборки для отбора респондентов с различными социально-экономическими, демографическими и профессиональными характеристиками, чтобы охватить широкий спектр населения. Респонденты проживали в Исламабаде и близлежащих городах. Поскольку целевой группой были женщины, являющиеся частью неформальной рабочей силы, мы начали с определения, поиска и установления контактов с потенциальными кандидатами.

Используя принцип целенаправленной и удобной выборки, мы изначально отобрали 15 кандидаток, работающих в Исламабаде. Впоследствии мы применили метод «снежного кома», расширив поиск на близлежащие города на основе рекомендаций, предоставленных изначально идентифицированными участницами. Этот подход увеличил количество кандидаток до 32. Чтобы устранить смещение выборки, мы провели пилотное тестирование, в ходе которого четверо отказались от участия из-за проблем с согласием членов семьи, а восемь были исключены из-за их нежелания предоставить достаточно данных для анализа. В итоге окончательная выборка составила 20 участниц с разными семейными положениями (никогда не были замужем, замужем, разведены и вдовы) и уровни образования, варьирующиеся от отсутствия формального образования до наличия школьного аттестата. Эти участницы, набранные из групп с доходом по нижней границе среднего и ниже среднего, проживали в городских и полугородских районах и работали в качестве домашней прислуги, поставщиков медицинских услуг, поставщиков услуг надомного образования, сельскохозяйственных рабочих и самозанятых.

Сбор данных

Мы получили устное согласие окончательно отобранных респондентов и довели до их сведения цели, процедуры и перспективы исследования, запросив расписание интервью с учетом их удобства и доступности. Респонденты в основном предпочитали общественные места, такие как парки или рестораны, в качестве места проведения интервью. Большинство из них также согласились на аудиозапись. Мы использовали руководство по проведению полуструкту-

рированного интервью, а протоколы интервью были проверены двумя экспертами в полевых исследованиях (одним экспертом в индустрии и двумя академическими экспертами).

Мы проводили интервью в разговорном стиле, следуя рекомендациям Джоффе [2011]. Начав с небольшой беседы, постепенно переходили к открытым вопросам и использовали контрольные вопросы для большей ясности и четкости. Поскольку респондентам была гарантирована полная конфиденциальность их данных и личностей, они откровенно делились своим опытом на родном языке (урду и/или пенджаби). Каждое интервью длилось от 15 до 30 минут. Мы также предложили вознаграждение в размере 1000 пакистанских рупий каждому респонденту за участие в исследовании. В некоторых случаях мы также оплачивали респондентам проезд до места интервью и обратно.

После двенадцатого интервью ответы стали значительно повторяться, что указывает на насыщение данных. На этом этапе мы перефразировали вопросы в надежде получить новые ответы. Однако было очевидно, что мы достигли точки насыщения, описанной Хоссайном и соавторами [2024]. Несмотря на это, мы продолжили опрос всех участников из первоначального списка, чтобы обеспечить полноту и последовательность сбора данных.

Мы расшифровали аудиозаписи ответов и перевели их на английский язык методом двойного перевода с привлечением лингвиста. Перевод был проверен коллегами на триангуляцию и валидность.

Анализ данных

Мы собрали первичные данные, проведя нарративное исследование посредством углубленных полуструктурированных интервью с респондентками, работающими на неформальном рынке труда. Качественные данные привели нас к методологии тематического анализа (ТА) Брауна и Кларка [2006], которая подразумевает систематический и строгий анализ качественных данных.

Анализ начался с погружения в данные, многократного прочтения расшифровок для ознакомления с общим содержанием и контекстом, что помогло выявить ключевые идеи и понять нюансы опыта респондентов. Затем, выделив значимые и интересные фрагменты текста, отражающие суть данных, мы перешли к предварительному кодированию. Мы закодировали каждый фрагмент соответствующих данных и присвоили ему описательные метки [Baralt, 2011]. После этого сгруппировали похожие коды и начали выявлять закономерности, кластеризируя коды с общими характеристиками. Это включало в себя просмотр кодов, создание ментальных карт для визуализации связей и поиск потенциальных тем, вытекающих из кодов. Затем мы проверили темы, чтобы обеспечить точное представление данных. После этого определили темы, убедившись, что они отражают суть результатов [Joffe, 2011]. Далее мы начали составлять подробные описания, учитывая, как темы вносят вклад в ответы на исследовательские вопросы. Мы повторили этот процесс несколько раз для обеспечения последовательности и надежности и провели экспертную оценку результатов для триангуляции и валидации, как это было предложено Крессвеллом [2013].

Этические соображения

В ходе исследования мы соблюдали все этические принципы, предложенные Мирзой и соавт. [2023]. Было получено формальное согласие респондентов [Cresswell, 2013]; проведены консультации с институциональным наблюдательным советом [Joffe, 2011]; при этом сохранялась анонимность [Walford, 2005]. Кроме того, эксперты проверили исследовательский инструмент и протоколы интервью; а исследовательская группа провела пилотное исследование; обеспечив достоверность и валидность сбора, анализа данных и результатов посредством насыщения данных, триангуляции и рецензирования [Weiss, 1995; Glaser, 2014].

Результаты

Тематический анализ выявил зонтичные темы *патриархальной эксплуатации* и *капиталистических нюансов*. На рис. 2 представлена тематическая карта.

Рисунок 2. Тематическая карта. *Источник:* анализ данных авторов.

Патриархальная эксплуатация

Патриархальная эксплуатация подразумевает систематическую социальную изоляцию респонденток посредством контроля над их доступом к ресурсам, возможностям, принятию решений, мобильности и достойной работе, что приводит к системной бедности.

В семьях респонденток глубоко укоренились патриархальные нормы, характеризующиеся доминированием мужчин в распределении ресурсов и принятии решений. В результате респондентки имели ограниченный доступ к ресурсам и возможностям, необходимым для достойно оплачиваемой работы. «Наши семьи возглавляют мужчины. Мужчины решают, как обращаться с женщинами, какими ресурсами они должны обладать и следует ли им получать образование».

Более того, патриархальный уклад семьи привел к ограниченной мобильности респонденток и социальной маргинализации.

Мой муж – глава семьи, и он устанавливает семейные правила. Он решает, с кем я встречаюсь и как долго. Хотя мои родители живут по соседству, я не могу навещать их одна. Муж сопровождает меня, и я должна возвращаться вместе с ним. Кроме того, он не разрешает мне посещать семейные собрания.

По мнению респонденток, одной из основных причин бедности женщин является ограниченная мобильность женщин, что приводит к их социальной изоляции, поскольку сужает их экономические возможности.

Наше общество диктует семьям правила, и моя семья строго следит за тем, что говорят люди. Поэтому мои братья не разрешают мне заводить друзей и даже пользоваться мобильным телефоном. Я выхожу из дома только на работу, да и то с братом. Я понимаю, что эта строгость нужна для безопасности женщин, но эти ограничения заставляют меня чувствовать себя рабыней.

Помимо ограниченной социализации и налаживания связей, зависимость от мобильности мужчин также приводит к снижению возможностей трудоустройства для респонденток.

Я не могу выходить на улицу одна и не могу пользоваться общественным транспортом. Из-за этого я потеряла пять возможностей устроиться на работу, так как мой отец был занят и не смог отвезти меня на собеседование. Хотя я ношу абайю (платье), он все равно не отпускает меня одну.

Система *пурда* (изоляции) и *чардивари* (личного пространства) еще больше усугубляет ограничения мобильности женщин.

Однажды дом загорелся. Мужа не было дома. Я была в опасности, но не покидала пределы дома, иначе муж бы со мной развелся. Слава Богу, я выжила, получив тяжелые травмы. Мы… не имеем права выходить из дома одни, даже если это вопрос жизни и смерти.

Норма, запрещающая женщинам выходить на улицу в одиночку, подрывает их возможности получить образование, навыки, социальные связи и достойную работу:

Нам приходится бороться за работу, потому что рынок требует профессионального образования и навыков. Я получила эту работу, потому что она не требовала образования или дальних поездок.

Без ресурсов, мобильности, уверенности и образования респондентки не могут получить достойную работу или накопить какие-либо сбережения.

Наши семьи верят, что женщины рождены, чтобы служить мужчинам. Они считают, что девочкам не нужны образование и навыки. Они не понимают, что безграмотность и отсутствие квалификации означает отсутствие хорошей работы. Поэтому, когда у нас есть мелкие заработки, мы не можем ничего накопить.

Респондентки также поделились тем, что семейная культура привела их к пассивному образу жизни, из-за чего они стали неуверенными в себе, почувствовали себя менее значимыми и стали зависеть от мужчин в семье.

Мой отец – строгий человек. Мы выросли в страхе перед ним. Мы никогда не ходили на рынок одни и молча принимали даже одежду, которую он выбирал. Я уже взрослая, но не могу избавиться от страха перед ним. Чувствую, что буду бояться и мужа, когда выйду замуж.

Иерархия власти в семье не только ограничивала свободу респонденток, заставляя их оставаться дома, но и подвергала их домашнему насилию и виктимизации.

Мой муж жесток и беспощаден. Он считает меня своей рабыней. Бывают дни, когда он меня избивает до такой степени, что ломает мне кости. Выплеснув на меня свою ярость, он ожидает, что я помогу ему с работой на ферме, и я делаю это, чтобы уберечься от дальнейших побоев.

Результаты выявили плачевное положение респонденток:

Наши семьи считают, что мы рождены, чтобы служить им, а у нас нет собственных потребностей, времени и жизни. Они приказывают, а мы подчиняемся.

Патриархальные семейные нормы, по-видимому, нормализовали жестокое обращение и насилие в отношении женщин, поскольку респондентки сообщали о постоянных случаях насилия, домогательств и эксплуатации.

О Боже! Будь нашим спасителем. Мужчины мучают нас, хотя и ищут наслаждения от наших тел. Они эксплуатируют нас, как им вздумается, и нет никого, кто мог бы их остановить.

По рассказам респонденток, семейная иерархия власти позволяет контролировать женщин, а эксплуатация, начавшаяся дома, впоследствии распространяется и на другие институты.

Капиталистические нюансы

Другая более масштабная тема – это *капиталистические нюансы,* связанные с экономическими ценностями, влияющими на семейную динамику, роли и отношения. Речь идет о том, как капитализм формирует семейные нормы, которые отдают приоритет репродуктивной роли женщин как основных лиц, осуществляющих уход за детьми, и ограничивают их участие в рабочей силе, способствуя циклу экономической зависимости, приводящей к бедности женщин.

Анализ показал, что экономическая структура семей респонденток, характеризующаяся контролем мужчин над ресурсами, была глубоко укоренена в капиталистической динамике. Семейные нормы ограничивали их возможности приобретения, использования и сохранения финансовых ресурсов. Более того, в соответствии с традициями, семейное имущество передавалось по наследству или присваивалось потомками мужского пола.

Мои братья получили мою подпись на гербовой бумаге и присвоили себе мое имущество. Я была необразованной и не понимала, что происходит. Я узнала о том, что сделали со мной мои братья, когда мой муж потерял работу и потребовал, чтобы я получила свою долю семейного наследства.

Вызывает тревогу тот факт, что доходы респонденток также контролируются их семьями, что подвергает их двойной опасности, поскольку, несмотря на выполнение дополнительной работы, они остаются без гроша.

У меня нет ни наличных, ни сбережений на случай непредвиденных обстоятельств, потому что муж контролирует мой заработок. Мы женаты уже десять лет. Однако я не знаю ни о его заработках, ни о его деятельности вне дома. Он хранит свои вещи и доход у себя, но заставляет меня отдавать ему мои доходы.

Эксплуатация, злоупотребления и контроль над производительным трудом респонденток, а также их экономическая изоляция, по-видимому, являются нормой, что мешает им заниматься коммерческой деятельностью.

Мой муж продал мои драгоценности, когда его мать перенесла операцию, а братья не отдали мне мою долю семейного наследства. Если бы у меня была моя собственность или драгоценности, я могла бы начать собственное дело, а не работать на других. Я чувствую себя такой никчемной.

Рассказы респонденток показали, что их семьи не заинтересованы в их образовании, поскольку это требует затрат, в то время как инвестиции в мужское образование считаются прибыльными.

Мои братья поступили в школу, а мы с сестрами учились дома. Отец был против женского образования, а мама тоже хотела, чтобы мы научились вести хозяйство, чтобы в будущем стать хорошими женами. У девушек с хорошими навыками ведения домашнего хозяйства есть хорошие шансы получить предложение руки и сердца.

Дискриминация респонденток была обусловлена их полом и вытекающими из этого гендерными ролями, которые ассоциировали их с репродуктивным трудом.

Гендер разделил общество и даже семейные отношения. Нас заставляют работать дома и заботиться обо всех членах семьи. Это занимает все наше время. Нас не готовят к работе. Нам не разрешают ходить в школу или профессиональные училища.

Значимой причиной частичной занятости респонденток были их репродуктивные обязанности, что также подвергало их дефициту времени, а дефицит времени, в свою очередь, приводил к дефициту здоровья. Обстоятельства препятствовали использовать удобства для аутсорсинга домашних обязанностей, ограничивая возможности инвестирования времени в оплачиваемую работу и заботу о здоровье.

Из-за домашних обязанностей работать подолгу сложно. Поэтому я работаю неполный рабочий день. Даже во время беременности я выполняю все домашние дела и продолжаю работать. Это сказывается на моем здоровье, потому что у меня мало времени на отдых.

Семейная иерархия требует от респонденток заботы о семье и выполнения всей работы по дому, что ограничивает их шансы на получение постоянной, формальной и достойной работы или участие в предпринимательской деятельности.

Это касается не только моей семьи; каждая семья в нашем районе следует такому же принципу. Женщины должны выполнять всю работу по дому, заботиться о членах семьи, принимать гостей, кормить больных и стариков. Все эти задачи поглощают все наше время и силы.

Почти все респондентки жаловались на отсутствие поддержки со стороны семьи, что приводит к нехватке времени.

Только женщины идут на компромиссы. Я посвящаю все свое время семье и служу им, готовя, убирая, стирая грязное белье и заботясь о них, но я не нахожу никого рядом, когда мне нужна помощь или немного времени для себя.

Кроме того, респондентки также сталкивались с дискриминацией при трудоустройстве и на рабочем месте из-за своего семейного происхождения, внешнего вида и одежды.

Я стала такой, какой меня хотела видеть моя семья. Как мне теперь избавиться от своего грубого акцента? Как я смогу принимать душ каждый день, если нет воды? Как я смогу выглядеть презентабельно, если нет хорошей одежды и нет покоя дома?

Более того, почти все респондентки вышли на рынок труда ради заработка, поскольку им разрешили заниматься оплачиваемой работой, когда требовался дополнительный доход, компенсирующий недостаточный доход мужчин. Таким образом, заработок респонденток в основном тратится на нужды семьи и домохозяйства, что делает их финансово зависимыми и не позволяет им улучшить свое экономическое положение. Более того, отсутствие поддержки, основанной на нуждах, как со стороны семьи, так и со стороны работодателя, затрудняет для них оплачиваемую работу, усугубляя их бедственное положение.

Я пошла работать из-за возросших расходов после рождения ребенка. На моей работе нет детского сада, и никто в семье не хочет заботиться о ребенке. Когда я привожу ее на работу, с нами плохо обращаются. Когда я оставляю ее дома, она остается без присмотра. Моя семья делит со мной деньги, которые я зарабатываю, но не дополнительную нагрузку, которую я беру на себя, чтобы заработать деньги.

Рассказы респонденток свидетельствуют о том, что институт семьи эксплуатирует женщин и их труд как в частной, так и в общественной сфере, отражая капиталистические нюансы в виде контроля мужчин над ресурсами и неоплачиваемого труда женщин, что ведет к сохранению экономического неравенства и бедности женщин.

Обсуждение

Рассматривая полученные результаты с точки зрения социалистического феминизма, можно утверждать, что сочетание патриархата и капитализма порождает гендерную дискриминацию, поддерживая традиционные гендерные нормы, которые позволяют контролировать женщин, прежде всего, в институте семьи. Этот контроль многогранно влияет на социальные и экономические структуры, подвергая женщин межпоколенческой бедности, как отмечают Кунвар [2021] и Каушик [2022].

Во-первых, результаты подтверждают, что неопатриархат, укоренившийся в структуре семьи, систематически контролирует женщин [Jahan, 2022]. Этот контроль осуществляется путем ограничения женской мобильности во имя безопасности и благочестия, а также путем ограничения их возможностей для социализации и налаживания связей, как это подтверждают Аксар и соавт. [2020] и Ортнер [2022]. Более того, главенство мужчин усиливает женскую взаимозависимость [Kunwar, 2021], не давая женщинам реализовывать свои права на ресурсы, образование, принятие решений, свободу и наследство, что противоречит религии, конституции и международным договорам, предоставляющим женщинам равные с мужчинами пра-

ва [Ahmad et al., 2023]. Аналогично, семейная гендерная иерархия ущемляет женщин во всех аспектах, которые могут расширить их права и возможности [Alkire, 2023; De Schutter et al., 2023; Elgin, Elveren, 2021]. Одновременное осуществление мужчинами физического, эмоционального, психологического и экономического контроля над женщинами укрепляет мужскую гегемонию и социально-экономическую зависимость женщин от мужчин [Raz-Yurovich, Marx, 2019].

Во-вторых, результаты исследований показывают, что человеческий капитал негласно используется в пользу мужчин во всех аспектах [Becker, 2009]. Соответственно, женщины часто лишены ресурсов, обеспечивающих независимость и доступ к значимым возможностям [Mihai et al., 2015]. Следовательно, они остаются уязвимыми в социально-экономическом плане [Ortner, 2022]. Более того, поскольку они считаются второстепенными работниками в публичном пространстве и естественными работниками в частном, их труд остается неоплачиваемым в частном пространстве и низкооплачиваемым в публичном и воспринимается как должное в обоих случаях [Khan, 2020].

В-третьих, в отличие от подхода, основанного на способностях, который делает акцент на свободе и возможностях [Sen, 1995; Nussbaum, 2000], наши результаты показывают, что ограниченная свобода женщин приводит к социально-экономической зависимости от мужчин в семье, подрывая потенциал, личностный рост и самореализацию женщин, необходимые для социального и экономического благополучия. Дискретное разделение пространств и ролей ставит роли женщин как домохозяек выше профессиональных занятий, закрепляя женскую неграмотность и зависимость, вынуждая их жить в подневольном состоянии. Нищета становится еще более выраженной при отсутствии финансовых ресурсов, которые можно было бы использовать для предпринимательской деятельности, когда достойную работу невозможно получить без образования и навыков [Amber, Chichaibelu, 2023].

В-четвертых, в соответствии с предыдущими исследованиями [Piketty, 2020], результаты показывают, что женщины выходят на рынок труда в силу экономической необходимости, а их заработок тратится на семейные нужды. Таким образом, хотя оплачиваемая работа и дает женщинам некоторую временную свободу, она не позволяет им избежать бедности. Это соответствует капиталистической программе, направленной на подчинение пролетариата в угоду буржуазии. В этом контексте отсутствие признания и поддержки в выполнении большей части работы, возложенной на женщин в обеих сферах, является частью капиталистической программы, которая в сочетании с патриархальными назначает репродуктивный труд женщинам, но при этом недооценивает этот труд. Ситуация усугубляется всепроникающим безразличием к женщинам и отсутствием их институциональной и социальной поддержки [Amber, Chichaibelu, 2023].

Таким образом, дружественный мужчинам социальный порядок поддерживается систематическим подавлением женщин во всех аспектах, что выражается в мужских привилегиях и преимуществах и подавлении и лишении женщин [Maqsood et al., 2024]. Будучи маргинализированными во всех аспектах, женщины интернализируют и принимают свое положение как естественный порядок вещей. Это не исключение в культуре, где даже женщине – премьер-министру страны пришлось задуматься о публичном признании своей беременности, находясь у власти [Khan, 2018].

Результаты показывают, что преобладающая мужская гегемония в структуре семьи препятствует активному участию женщин в социальной и экономической жизни [Mishra, 2018] из-за проблем безопасности, социальных табу, ограничений мобильности и семейных обязанностей, что приводит к низкому уровню участия женщин в рабочей силе и феминизации бедности [Ali et al., 2023]. Более того, хотя участие женщин в рабочей силе потенциально может улучшить их социально-экономическое положение, это не приводит к ожидаемому результату из-за взаимозависимости репродуктивного и производительного труда женщин и отсутствия поддержки для баланса между ними. Таким образом, несмотря на участие в рабочей силе, зависимость женщин от мужчин и их социально-экономическая депривация сохраняются.

Ограничения и перспективы исследования

Данное исследование рассматривает социальные практики и контексты, а не индивидуальные или личностные характеристики при изучении семейных норм, приводящих к феминизации бедности. Необходимы дальнейшие исследования для изучения идентичности и личностных характеристик, связанных с этим явлением. Во-вторых, выборка исследования состоит из женщин, работающих в неформальном секторе. В будущих исследованиях может быть проведен сравнительный анализ с респондентками из обоих секторов и/или с респондентками, не занятыми на оплачиваемой работе. В-третьих, исследование не охватывает мнения мужчин, которые могут быть учтены в будущем. В-четвертых, в исследовании участие женщин в рабочей силе в целом рассматривается как опосредующий фактор на стыке гендерных норм и бедности женщин. В будущих исследованиях могут быть использованы данные о занятости в конкретных секторах или отраслях, что позволит повторить анализ для сравнения результатов с предыдущими. В-пятых, несмотря на проведенные попытки, направленные на то, чтобы выборка представляла широкий спектр населения, обобщаемость результатов не может быть заявлена с уверенностью, но может быть достигнута в будущем путем использования смешанных методов и увеличения размера выборки. В-шестых, в будущих исследованиях анализ может быть повторен с использованием смешанных методов.

Выводы

С точки зрения подхода, основанного на способностях, результаты показывают, что женщины в Пакистане многомерно бедны, поскольку у них нет ни доступа к основным ресурсам, ни свободы и возможностей улучшить свое положение. С точки зрения социалистического феминизма результаты демонстрируют, что семейные нормы и гендерное разделение пространств и задач поддерживают связь капитализма и патриархата в создании и поддержании мужского превосходства посредством эксплуатации женщин, что приводит к феминизации бедности. Аналогичным образом, результаты предполагают, что человеческий капитал не используется в равной степени из-за гендерных норм, которые влияют на право выбора женщин и их шансы на продуктивную и достойную работу как способ выхода из бедности. Более того, бинарный гендерный принцип создает неравенство доходов в домохозяйствах, ограничивая интеллектуальный капитал женщин и навязывая им несоразмерную работу по дому во имя традиции, тем самым ограничивая их способность к накоплению финансового и социального капитала.

Таким образом, семейные нормы формируют жизненный путь женщин, ущемляя их права на формальное образование, получение профессиональных навыков и участие в экономике, ограничивая их способности, свободу, мобильность, возможности общения и взаимодействия, содействуя социальным представлениям, согласно которыми женщины – это неуверенные в себе и покорные индивиды. Патриархальная семейная идеология создает такую властную структуру, которая приводит женщин к подчинению и зависимости в психологическом, социальном и экономическом аспектах, используя механизмы межпоколенческого подкрепления для передачи институционального подавления, создавая взаимозависимость, которая усложняет жизнь женщин и лишает их многих возможностей.

На микроэкономическом уровне семейный контроль и подавление женской идентичности посредством ограничения свободы, ресурсов и возможностей влияет на их психосоциальное и социально-экономическое благополучие и приводит к феминизации бедности. На макроэкономическом уровне сниженный уровень участия женщин в рабочей силе приводит к дефициту рабочей силы, снижению производительности труда, медленному экономическому росту, низкому ВВП и ограниченности налоговой базы.

На протяжении всей истории мужчины имели преимущества по контролю над общественным пространством, монополизируя властные позиции. Следовательно, общественные и правовые нормы, политические программы отражают цели и стремления мужчин, подвергая женщин иерархической дискриминации как в общественной, так и в частной сфере. Таким образом, хотя участие женщин в рабочей силе является эффективным инструментом борьбы с бедностью женщин, оно не обеспечивает женщинам долгосрочного социально-экономического благополучия.

Кроме того, хотя общественные и личные пространства разделены между мужчинами и женщинами, пространство, инклюзивное для обоих полов, полностью отсутствует. В этом отношении женщины подвергаются дополнительной депривации, поскольку отведенное им пространство не принадлежит им полностью из-за доминирования мужчин в решении важных вопросов. Следовательно, у женщин нет пространства, в котором они могли бы проявить свою автономию, и в отсутствие возможности действовать в каком-либо пространстве женщины остаются многомерно бедными.

Выводы и рекомендации

Междисциплинарный теоретический подход данной работы вносит вклад в конвергенцию экономических исследований, исследований в области развития, психологии, социологии, гендерных исследований и исследований человеческих ресурсов. Объединяя эти области, данная работа иллюстрирует, как экономические возможности, такие как развитие человеческого капитала и участие в рабочей силе, и социальные структуры, в частности семейные нормы, взаимодействуют сложным образом, порождая бедность женщин. При этом само взаимодействие не поддается объяснению какой-либо одной теоретической системой.

Подвергая сомнению традиционные показатели бедности, основанные на доходах и материальных благах, данное исследование предлагает критический анализ современных подходов к гендерным аспектам бедности. Более того, подчеркивая необходимость наличия возможностей для полноценного участия на рынке труда, таких как независимость, доступ к ресурсам и контроль над финансовыми активами, наше исследование развивает теоретический подход к более целостной оценке бедности.

Микроэкономические и макроэкономические выводы исследования связаны с более широкими глобальными и региональными целями в области гендерного равенства и сокращения межпоколенческой бедности согласно Повестке дня – 2030. Устраняя разрыв между социокультурными исследованиями и социально-экономическим анализом, работа имеет релевантное значение как для исследователей, так и для науки в целом. Кроме того, исследование предоставляет комплексную модель для анализа взаимодействия между динамикой рынка труда и общественными нормами в сопоставимых глобальных контекстах. Оно актуально для учреждений, занимающихся реформами государственной политики и ее реализацией, поскольку привлекает внимание к влиянию семейных норм на бедность женщин и призывает к переоценке устоявшихся норм и применению инклюзивного подхода к экономическому развитию, способствующему гендерному равенству.

Рекомендуется использовать результаты данного исследования для информирования женщин о последствиях семейной эксплуатации, способствующей их системной бедности. Более того, с учетом полученных результатов, политики могут использовать законодательные инструменты, инициативы в области социального обеспечения и финансовые меры для решения проблем женской эксплуатации и бедности, а также для продвижения программ повышения уровня участия женщин в рабочей силе, чтобы избавиться от предвзятых представлений о бинарных гендерных принципах, ролях, пространстве и разделении ресурсов и труда в институте семьи.

Список литературы

Adham A. (2022) The informal mode of management: neo-patriarchy and Wasta in a Saudi organization // Culture and Organization 28 (2): 167–183. https://doi.org/10.1080/14759551.2022.2029443.

Akhtar M., Ghafoor K.A., Maqsood H., Murtaza K. (2025) FinTech payment services adoption among women: the impact of personality, financial services knowledge, and artificial intelligence // International Journal of Accounting & Information Management. https://doi.org/10.1108/IJAIM-09-2024-0355.

Aksar I.A., Firdaus A.S.B., Danaee M., Maqsood H. (2020) Virtual manifestations of patriarchy: Digital experience of Pakistani women // Asian Women 36 (1): 61–89. https://doi.org/10.14431/aw.2020.3.36.1.61.

Ali W., Ambiya, Dash D.P. (2023) Examining the Perspectives of Gender Development and Inequality: A Tale of Selected Asian Economies. Administrative Sciences 13 (4): 115. https://doi.org/10.3390/admsci13040115.

Alkire S. (2023) Analyzing individual deprivations alongside household poverty: possibilities for gendered, intra-household, and multidimensional analyses // OPHI Research in Progress 65a. URL: https://ophi.org.uk/publications/RP-65a.

Amber H., Chichaibelu B.B. (2023) Patterns and causes of female labor force participation: an age–period–cohort analysis for Pakistan // Population Research and Policy Review 42 (2): 20. https://doi.org/10.1007/s11113-023-09751-9.

Asian Development Bank (2013) Poverty in Pakistan. URL: https://www.adb.org/where-we-work/pakistan/poverty.

Baralt M. (2011) Coding qualitative data. Research methods in second language acquisition: A practical guide. A John Wiley & Sons, Ltd. Publication, 222–244.

Birkmann J., Liwenga E., Pandey R., Boyd E., Djalante R., Gemenne F., Leal Filho W., Pinho P.F., Stringer L., Wrathall D. (2022) Poverty, livelihoods, and sustainable development. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/chapter/chapter-8.

Bjerén G. (2021) Gender and reproduction. In International migration, immobility and development, 219–246. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003136125.

Bradshaw S., Lineker B. (2023) Gender and poverty measurement. In Research Handbook on measuring poverty and deprivation. Edward Elgar Publishing, 553–562 https://doi.org/10.4337/9781800883451.00068.

Braun V., Clarke V. (2006) Using thematic analysis in psychology // Qualitative research in psychology 3 (2): 77–101. https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa.

Bukhari A.A.A., Lean H.H., Bukhari W.A.A., Raza S., Pervaiz A. (2024) The dynamics of multidimensional educational poverty // Data Science and Management 7 (4): 314–322. https://doi.org/10.1016/j.dsm.2024.03.004.

Cantillon B. (2022) Poverty, social policy and the welfare state: A research agenda. Social Policy in Changing European Societies, 101–119. https://doi.org/10.4337/9781802201710.00014.

Chantarat S., Barrett C.B. (2012) Social network capital, economic mobility, and poverty trap // The Journal of Economic Inequality (10): 299–342. https://doi.org/10.1007/s10888-011-9164-5.

Crenshaw K. (2019) 'Difference' through intersectionality 1. In Dalit Feminist Theory. Routledge India, 139–149. https://doi.org/10.4324/9780429298110.

Cresswell J. (2013) Qualitative inquiry & research design: Choosing among five approaches. URL: https://www.yuditrafarmana.id/wp-content/uploads/2023/12/Creswell-John-W._-Poth-Cheryl-N.-Qualitative-Inquiry-Research-Design_-Choosing-Among-Five-Approaches-SAGE-2018.pdf.

De Schutter O., Frazer H., Guio A.C., Marlier E. (2023) How poverty is perpetuated across generations. In The Escape from Poverty. Policy Press, 18–60. https://doi.org/10.51952/9781447370611.ch002.

Elder G.H., Robertson E.B., Ardelt M. (2020) Families under economic pressure. In Families in Troubled Times. Routledge, 79–103. https://doi.org/10.4324/9781003058809.

Elgin C., Elveren A.Y. (2021) Informality, inequality, and feminization of labor. Women's Studies International Forum (88): 102505. https://doi.org/10.1016/j.wsif.2021.102505.

Farhall K., Rickards L. (2021) The "gender agenda" in agriculture for development and its (lack of) alignment with feminist scholarship. Frontiers in Sustainable Food Systems (5): 573424. https://doi.org/10.3389/fsufs.2021.573424.

Flood M., Dragiewicz M., Pease B. (2021) Resistance and backlash to gender equality. Australian Journal of Social Issues 56 (3): 393–408. https://doi.org/10.1002/ajs4.137.

Fredman S. (2016) Women and poverty–A human rights approach. African Journal of International and Comparative Law 24 (4): 494–517. https://doi.org/10.3366/ajicl.2016.0170.

Geda N.R., Guli V.M.E. (2021) Women's Participation in Labor Force in Sub-Saharan Africa (SSA): A Review of Determinants and Impact // Archives of Current Research International 21 (2): 1–13. https://doi.org/10.9734/acri/2021/v21i230228.

Glaser B.G. (2014) Choosing grounded theory // The Grounded Theory Review 13 (2): 3–19. URL: https://groundedtheoryreview.org/index.php/gtr/article/view/195.

Habiba U., Ali R., Ashfaq A. (2016) From patriarchy to neo-patriarchy: Experiences of women from Pakistan // International Journal of Humanities and Social Science 6 (3): 212–221. URL: https://ijhss.thebrpi.org/journals/Vol_6_No_3_March_2016/24.pdf.

Haq W., Azam M., Babar Z., Amir S., Said F. (2024) Investigation of multidimensional poverty in Pakistan at the national, regional, and provincial levels // Humanities and Social Sciences Communications 11 (1): 314–322. https://doi.org/10.1016/j.dsm.2024.03.004.

Hossain M.S., Alam M.K., Ali M.S. (2024) Phenomenological Approach in the Qualitative Study: Data Collection and Saturation // ICRRD Qual Index Res J 5 (2): 148–172. https://doi.org/10.53272/icrrd.v5i2.4.

Jafree S.R. (2023) Literacy, Skill Development, and Social Policy for Women of Pakistan. Social Policy for Women in Pakistan. Springer Nature Switzerland, Cham, 149–179. https://doi.org/10.1007/978-3-031-32863-3_6.

Jahan S. (2022) Human Development in Bangladesh: A Dynamic Trajectory. In The Emergence of Bangladesh: Interdisciplinary Perspectives. Springer Nature Singapore, Singapore, 157–176. https://doi.org/10.1007/978-981-16-5521-0_10.

Joffe H. (2011) Thematic analysis. Qualitative research methods in mental health and psychotherapy: A guide for students and practitioners, John Wiley & Sons, Ltd, 209–223. https://doi.org/10.1002/9781119973249.ch15.

Kabeer N. (2020) Women's labor in the Bangladesh garment industry: Choice and constraints. In Muslim Women's Choices. Routledge, 164–183. https://doi.org/10.4324/9781003135166-9.

Kabeer N. (2021) Gender equality, inclusive growth, and labor markets. In Women's Economic Empowerment. Routledge, 13–48. https://doi.org/10.4324/9781003141938.

Kaushik H. (2022) Feminization of Poverty. International Journal of Multidisciplinary Educational Research 5 (6): 26–30. https://ijmer.in.doi/2022/11.05.105.

Khan M. (2020) Gender-based economic Inequalities: A review of selected concepts. Journal of Economy Culture and Society (61): 371–382. https://doi.org/10.26650/JECS2019-0039.

Khan M.I. (2018) Ardern and Bhutto: Two different pregnancies in power. BBC News Islamabad. URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-44568537.

Khan M.S. (2020) Women's entrepreneurship and social capital: Exploring the link between the domestic sphere and the marketplace in Pakistan // Strategic Change 29 (3): 375–387. https://doi.org/10.1002/jsc.2336.

Kolleda A.J. (2020) A woman's place: Historicizing the persistence of the gender gap. Master's thesis. Harrisonburg, Virginia, United States: James Madison University. URL: https://commons.lib.jmu.edu/masters202029/2

Kumar M.S. (2023) Women in the Struggle: A Past and Present Turn. Laxmi Book Publication.

Kunwar J.B. (2021) Breaking free of the binary: Gender Habitus, hetero-normative domination, and classificatory struggles. Hansaprint Oy, Turenki, Helsinki, 395 pp. URL: https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/8a7aace8-a881-4381-9909-68a08392c739/content

Kutub M.J.R. (2023) The Factors Contributing to Patriarchy in Contemporary Rural Bangladesh. PhD Doctorate thesis, Sydney, Australia: UNSW. https://doi.org/10.26190/unsworks/25263.

Lemke S. (2010) Facing poverty: Towards a theory of articulation // American Studies 55 (1): 95–122. https://www.jstor.org/stable/41158483.

Maqsood H., Sulaiman N.F.C., Muhamad S., Akmal Binti Rohaizad N.A. (2024) Women's economic underdevelopment in Pakistan: The intersection of gender and female labor force participation // Human Systems Management 43 (6): 872–84. https://doi.org/10.3233/HSM-240002.

Mazzone A. (2022) Gender and energy in international development: Is there a return of the 'feminization' of poverty discourse? Development 65: 17–28. https://doi.org/10.1057/s41301-022-00330-7.

Meseguer-Sánchez V., López-Martínez G., Molina-Moreno V., Belmonte-Ureña L.J. (2020) The role of women in a family economy. A bibliometric analysis in contexts of poverty // Sustainability 12 (24): 10328. https://doi.org/10.3390/su122410328.

Mihai M., Ţiţan E., Manea D. (2015) Education and poverty // Procedia Economics and Finance 32: 855–60. https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)01532-4.

Mirza H., Mirza C., Bellalem F. (2023) Ethical considerations in qualitative research: Summary guidelines for novice social science researchers // Social Studies and Research Journal: 11 (1): 441–49.

Mishra S. (2018) Feminization of poverty and the dimension of women's agencies // Asian journal of multidisciplinary studies: 6 (2): 93–100.

Mosse D. (2010) A Relational Approach to Durable Poverty, Inequality and Power // Journal of Development Studies 46 (7): 1156–78. https://doi.org/10.1080/00220388.2010.487095.

Mouafo A.V.D. (2024) Representations of feminism and strategies for defending male hegemony in a patriarchal context: The moderating effect of socio-demographic and attitudinal variables // International Journal 4 (1): 9–20. https://doi.org/10.11648/j.ijps.20240401.12.

Nguyen C.P. (2022) Uncertainty and gender inequality: A global investigation // The Quarterly Review of Economics and Finance (86): 31–47. https://doi.org/10.1016/j.qref.2022.06.003.

Nosheen M., Tahir M., Iqbal J. (2024) Analysis of Poverty Determinants in Pakistan: Insights from Household-Level Data // Journal of Contemporary Macroeconomic Issues 5 (1): 71–90. https://doi.org/10.5281/zenodo.11640547.

Nussbaum M.C. (2000) Women and human development: The capabilities approach (3). Cambridge University Press, 336 pp.

Ortner S.B. (2022) Patriarchy // Feminist Anthropology 3 (2): 307–14. https://doi.org/10.1002/fea2.12081.

Pakistan Bureau of Statistics, Labour Force Survey (2020–2021). URL: https://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/labour_force/publications/lfs2020_21/LFS_2020-21_Report.pdf.

Piketty T. (2020) Capital and ideology. Harvard University Press, 1104 pp.

Qureshi I., Bhatt B., Sutter C., Shukla D.M. (2023) Social entrepreneurship and intersectionality: Mitigating extreme exclusion // Journal of Business Venturing 38 (2): 106283. https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2022.106283.

Raz-Yurovich L., Marx I. (2019) Outsourcing housework and highly skilled women's labor force participation—an analysis of policy intervention // European Sociological Review 35 (2): 205–24. https://doi.org/10.1093/ESR/JCZ001.

Reeser T.W. (2020) Concepts of masculinity and masculinity studies. In configuring masculinity in theory and literary practice: 11–38. URL: https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv2gjwt1m.5

Robinson J.C. (1985) Of Women and Washing Machines: Employment, Housework, and the Reproduction of Motherhood in Socialist China // China Quarterly (101): 32–57. https://doi.org/10.1017/S0305741000015800.

Roomi M.A., Parrott G. (2008) Barriers to development and progression of women entrepreneurs in Pakistan // The Journal of Entrepreneurship 17 (1): 59–72. https://doi.org/10.1177/097135570701700105.

Sahoo S., Klasen S. (2018) Gender segregation in education and its implications for labor market outcomes: Evidence from India (248). URL: https://www.econstor.eu/handle/10419/179967.

Sen A. (1995) Inequality Re-examined. Harvard University Press, 224 pp.
Sen A. (2010) A decade of human development // Journal of Human Development 1 (1): 17–23. https://doi.org/10.1080/14649880050008746.
Shehzad R. (2021) 22% Pakistanis living below the poverty line, NA told. The Express Tribune. URL: https://tribune.com.pk/story/2322313/22-pakistanis-living-below-poverty-line-na-told.
Sindzingre A. (2005) Institutions and Development: A Theoretical Contribution. Mimeo, The Hague Institute of Social, 26 pp. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=ffc5a07aab75f13be5659f546834c475cce56b6a.
UN Women (2024) Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women. One in every 10 women in the world lives in extreme poverty. URL: https://www.unwomen.org/en/news-stories/press-release/2024/03/1-in-every-10-women-in-the-world-lives-in-extreme-poverty.
Walford G. (2005) Research ethical guidelines and anonymity // International Journal of research and method in education 28 (1): 83–93. https://doi.org/10.1080/01406720500036786.
Weiss R.S. (1995) Learning from strangers: The art and method of qualitative interview studies. Simon and Schuster, 260 pp. URL: https://archive.org/details/learningfromstra00robe.
Weldon S.L. (2008) Intersectionality. Politics, gender, and concepts: Theory and Methodology 193–218. URL: https://www.cambridge.org/core/books/abs/politics-gender-and-concepts/intersectionality/D4AADAF36A2235B08D05A33D28469846.
Williams C.L. (2023) Still a man's world: Men who do women's work. University of California Press, 243 pp. https://doi.org/10.2307/jj.2711583.
Wolff J. (2020) Beyond poverty. Dimensions of poverty: Measurement, epistemic injustices, activism (2): 23–39. https://doi.org/10.1007/978-3-030-31711-9_2.
World Bank (2024) The World Bank expects a 40% poverty rate to persist in Pakistan through FY24–26. URL: https://mettisglobal.news/world-bank-expects-40-poverty-rate-to-persist-in-pakistan-through-fy24-26.
World Economic Forum (2023) Global Gender Gap Report 2023 URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2023.pdf.
Yasmin T., Husna C.A. (2020) Familial support as a determinant of women's career development: a qualitative stud // Asian J. Soc. Sci. Leg. Stud 2 (4): 76–87. https://doi.org/10.34104/ajssls.020.076087.
Zarbali D.N.C. (2023) Obstacles and Limitations Related to Gender Roles in a Patriarchal and Neo-Patriarchal Family Environment // Journal of Positive Psychology and Wellbeing 7 (2): 1395–406. URL: https://www.journalppw.com/index.php/jppw/article/view/16982/10750.

Сведения об авторах

- Хума Максуд – Ph.D. (экономика), степендиат Университета Малайзии Теренггану, Куала-Теренггану, Малайзия; преподаватель Института науки и технологий имени Шахида Зульфикара Али Бхутто (SZABIST), Исламабад, Пакистан. E-mail: p4570@pps.umt.edu.my; huma.maqsood@szabist-isb.edu.pk
- Нор Фатима Че Сулейман – Ph.D. (экономика), старший преподаватель Университета Малайзии Теренггану, Куала-Теренггану, Малайзия. E-mail: n.fatimah@umt.edu.my
- Сурияни Мухамад – Ph.D. (экономика), профессор и заместитель проректора Университета Малайзии Теренггану, Куала-Теренггану, Малайзия. E-mail: suriyani_md@umt.edu.my
- Нор Айзал Акмал бинти Рохайзад – Ph.D. (экономика), доцент Университета Малайзии Теренггану, Куала-Теренггану, Малайзия. E-mail: aizal@umt.edu.my